

Три письма Гр. В. Квитки къ М. А. Максимовичу*).

1.

Милостивый государь

Михаиль Александровичъ!

Отзывъ вашъ, коимъ вы почтили меня, принесъ мнѣ важное утѣшевіе. Пріятно мнѣ было узнати, что вы, такъ много трудившійся и стяжавшій для нашей родовой литературы и вообще для наукъ пользы, обратили вниманіе на мою болтовню. Давно роилось во мнѣ желаніе сблизиться съ вами и хотя въ легкія сношенія войти, и вы были такъ внимательны, что сами отыскиали меня. Благодарю васъ за умноженное удовольствіе. На требованіе ваше доучаствовать въ составленіи „Кіевлянина“ скажу вамъ со всею откровенностію: пишу не по наряду, не дѣлаю изъ сего работы по обязанности, а такъ, какъ придется. Вспомнится какая Маруся, Галочка, отъ нечего дѣлать — напишу и такъ написанное все отправилъ къ пріятелю въ Петербургъ; онъ уже держитъ всѣмъ, и я въ распредѣленіи пьесъ вовсе не участвую и часто, получая какой журналъ, не ожидая въ немъ своей пьески, нахожу ее нечаянно. Теперь у меня совершенно нѣтъ ничего ни готоваго, ни придумываемаго; какъ вамъ пьеска пужна была-бы теперь, чтобы „Кіевлянинъ“ не задержанно явился предъ добрыхъ людей къ новому году.

Мысль ваша, что-бы издавать что-либо по *наскій мови*, кажется, съ наступающимъ годомъ должна осуществиться. Уже подана докладная записка (такъ, по крайней мѣрѣ, извѣщаютъ меня), что бы дозволено было при „Отечественныхъ Запискахъ“ на 1840 годъ издавать 4, 6, 8 прибавленій на малороссійскомъ языкѣ. Ожидаемъ рѣшенія. Матеріалы есть; редакторъ г. Гребенка, который вамъ извѣстенъ:

*) Изъ коллекціи писемъ, приобретенныхъ редакціей отъ наследниковъ Михайла Александровича; писаны по поводу начала изданія „Кіевлянина“.

редакція не понесетъ убытковъ, по крайней мѣрѣ на первый годъ. Мы должны пристыдить и заставить умоленуть людей съ чуднымъ повятіемъ гласно проповѣдующихъ, что не должно на томъ языкѣ писать, на коемъ 10 мил. говорятъ, который имѣетъ свою силу, свои красоты неудобозъяснимые на другомъ, свои обороты, юморъ, иронію и все какъ будто у порядочнаго языка. Главное у насъ не рѣшено: какого или чьего правила держаться въ написаніи словъ? *В*, или *и*, *ы*, или *и*? и проч. и проч. Столько раскольниковъ у насъ по этому предмету, что нужно-бы составить вселенскій соборъ изъ всѣхъ сектъ и дѣло рѣшить. Признаюсь, я по неволѣ остался при правонисаніи, названномъ вами „харьковскимъ“, съ нѣкоторыми измѣненіями. Оно ближе къ порядку: писать какъ выговаривается, когда нѣтъ твердыхъ, постоянныхъ *правилъ*, которыя, если правила, то должны быть во всѣхъ отношеніяхъ *правильны*. Пока до собора, то хотя-бы списывались. Я предложплъ-бы и свои мысли; показаль-бы ихъ на дѣлѣ, но здѣсь нельзя произвести одной литеры не новой, но съ знакомъ; въ столицѣ-же насъ не поймутъ и не сдѣлають по желанію.

Если нашъ планъ—о прибавленіяхъ къ „Отечеств. Запискамъ“ не состоится по обстоятельствамъ, не отъ насъ зависящимъ, то обдумайте: не можно-ли въ вашемъ Кіевлянинѣ удѣлать какого „закапелка“, куда мы бы могли складывать свое „збіжъе“. Много было-бы благодарностей отъ жаждущихъ читать свое родное. Кажется, что будутъ сего ожидать въ Кіевлянинѣ, который, безъ всякаго сомнѣнія, примется какъ составленное авторомъ такъ извѣстнымъ.

Не взнычате за неисполненіе вашего требованія и не накажите меня прекращеніемъ переписки. Уваженіе и благодарность за труды ваши всегда сохраняю къ вамъ въ полной мѣрѣ и съ душевною преданностію имѣю честь быть всегда, милостивый государь, вашъ покорный слуга, Григорій Квитка.

3 октября, 1839 г.

Харьковъ.

Къ сожалѣнію, хотя-бы и могъ сообщить свѣдѣнія о Головатомъ, собранныя мною, но пославъ вмѣстѣ съ прочими въ Петербургъ, вижу изъ объясненія, что статья эта будетъ помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Вирши желаемой вамъ не имѣю, но буду стараться отыс-

вать вѣрный списокъ. Кажется, она не Головатого, а только въ дни славы Таврическаго она извѣстна стала и, сколько помню, тогда называли кого-то другаго сочинителемъ. Головатый-же въ то время былъ уже коротко знакомъ съ отцомъ моимъ и потому все относящееся къ нему насъ интересовало, и мы, дѣти, знали-бы, что вирша имъ сочинена, а то, не смотря на занимавшую насъ и твердую наизусть виршу, мы не относимъ ее къ Головатому.

2.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Поверхностно судя, я много виноватъ за мою невнимательность, даже неблагодарность; но если повѣрите, такъ желаніе исполнить требованіе ваше повлекло меня и въ вину предъ вами. Лестное ваше приглашеніе участвовать въ полезномъ изданіи вашемъ и вниманіе присылкою мнѣ одной книжки его чувствительно меня тронуло, и я съ полною охотою, съ большимъ усердіемъ приступалъ къ исполненію требованія вашего—и все приступалъ. Не смотря на всѣ суды и пересуды, толковитые и безтолковые, я самъ сдѣлалъ заключеніе, что въ Кіевлянинѣ должно быть все относящееся, больше или меньше, къ Кіеву, косвенно, прямо, бокомъ, а все чтобъ сосредоточивалось на немъ или относилось-бы хотя къ краю. Ставъ на этой точкѣ, я терялся, что и о чемъ написать? Исторія не моя часть и ничего-бы новаго, неизвѣстнаго не сказалъ; бывши одинъ разъ, 40 лѣтъ назадъ, мѣстностей вовсе не зналъ; хотя-бы что и придумалось, такъ же не знаю, какою улицею повести и куда именно привести. Чудака какого, въ родѣ Халавскаго или тому под., мой ближайшій цензоръ, жена моя, не одобрила изъ уваженія къ мѣсту, освященному столькими святынями, а изъ Кіева не должно было выступить! Согласитесь, что при такихъ условіяхъ задача была не легка, а тутъ еще служба, домашнія заботы, все съ своими требованіями, отвлеченіями отъ долга, почитаемаго мною необходимымъ, святымъ. Наконецъ кое-какъ уладивъ, принявша за память и вспомянувъ о св. мужѣ о. Іліи, бывшемъ въ мое время (1830 г.) и о сдѣланномъ имъ необыкновенномъ пріемѣ семей-

ству, поспѣвшему его съ желаніемъ услышать назидательное слово или принять что на благословеніе, гдѣ и я былъ въ числѣ жажущихъ, но съ прочими отошелъ съ однимъ удивленіемъ. Приклеивъ къ тому ни се, ни то, составивъ кое-что, осмѣливаюсь при семъ препроводить на ваше разсмотрѣніе. Полную волю имѣете поступить съ тетрадкою, какъ вамъ угодно: помѣстить-ли ее или оставить безъ вниманія. Въ первомъ случаѣ убѣдительно просилъ-бы васъ разсмотрѣть, прилично-ли заглавіе и буде нѣтъ, дать другое; негладкости, шереховатости въ слогѣ, излишекъ мѣстоимѣній и проч. и проч.—ужь не отказать исправить. И нишу съ плеча, а отъ невниманія къ *новому письму* художественности у меня не найдете, и я не умѣю, не могу ею заняться, и не нахожу ее у себя, какъ ни стараюсь; а отъ того каждая моя тетрадка всегда выходитъ въ такомъ точно видѣ, какъ юже предъ собою видите. Начну исправлять, перемараю, увижу, что еще хуже; примусь передѣлывать, и до того измараю, что брошу. Всему виною суетности, чтобъ не услышать приторнаго замѣчанія, на которыя такъ щедры нынѣшніе судьи, взявшіе на себя службу, какъ они называютъ, къ которой ихъ никто не приглашалъ и не возлагалъ на нихъ обязанности, яко не соответствующей силамъ и разумѣнію ихъ. И такъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Кіевлянинъ вашъ молодець. Конечно, ояъ еще птенець; идетъ и осматривается, говоритъ и оглядывается; но дайте ему опериться, тогда ояъ взлетитъ орломъ, налетятъ соколомъ. Только дай Боже почтенному издателю терпѣнія и равнодушія или даже презрѣнія къ пискамъ ветошрей, не могущихъ отличить, а принимающихъ и гнилушку за свѣтъ.

Настаиваю моею убѣдительною просьбою, подарите меня вашимъ разсужденіемъ о *малороссійскомъ писаніи*. Просвѣтите меня. Найдете въ V книжкѣ „Маяка“ письмо мое, которое (къ удивленію моему пущено въ свѣтъ) писано за-просто къ Бурачку, такъ, желая знать его мысли о томъ, и писано чуть-ли не въ февралѣ, но въ мартѣ навѣрное. Что вы скажете на мѣнїе мое, о чемъ я или уже писалъ къ вамъ, или располагалъ еще писать. Это о введеніи „и“ стариннаго и въ печатномъ имѣющагося. Разрѣшите меня скорѣе. Если-бы я зналъ, что „Маякъ“ тиснетъ письмо мое, я написалъ-бы ясенѣе. Но сдѣлано— и я читаю со вздохомъ.

Да и къ чему мы занимаемся своимъ правописаніемъ, когда велиіи мудрецы проповѣдуютъ, что и языка такого нѣтъ, а мы русскіе слова, формы, переворачиваемъ въ свои хохлатые, бородастые и проч. и проч. Смѣхъ писать, но размысливши горюешь!... И это пишеть во всеуслышаніе мужъ, славящійся ученостью? Что-же наши пѣсви, думы, пословицы, поговорки, выраженія въ лѣтописяхъ, которыхъ и подобно ни одинъ москаль не скажетъ.

Протягивая къ вамъ руку, дружески пожимаю вашу и умилятельную голосомъ говорю вамъ: не сердитесь на мое замедленіе, не взыщите за статью, какова есть, и не лишайте добраго расположенія искренно васъ уважающаго и преданнаго вамъ, Григорій (Федоровъ)

13 августа, 1840 г.

Квитка.

Харьковъ, на Основѣ.

Не нашлась другая причина къ монашеству, кромѣ любовной страсти, о которой ужъ не подѣ лѣта мнѣ росписываться, а потому кое-какъ сказала. (Разумѣется монашество его, Квитки).

Объ о. Иліи, я думаю, мало кто и помнить въ Кіевѣ, а окъ былъ точно такой.

Внизу рукою покойнаго Максимовича сдѣлана слѣдующая приписка: По поводу этого замѣчанія, я сдѣлалъ къ *Доброму Пану* біографическое примѣчаніе объ о. Иліи, на 82 стр. 2 кн. Кіевлянина, изъ отысканнаго для меня въ лаврскомъ архивѣ послужнаго списка его. Въслѣдствіе желанія Квитки и письма его въ Маякѣ, я написалъ длинное письмо къ нему о *малороссійскомъ правописаніи*, напечатанное тогда-же во 2-й кн. Кіевлянина; въ 3-й предполагалъ продолжать объ этомъ-же предметѣ; но роковая болѣзнь моя тогда всему моему дѣянію положила было конецъ... Казалось-бы тамъ ясно и достаточно означено *основаніе* правописи малороссійской..., а къ чему оно было, когда явилась и *сплужь*, и уродливое и вмѣсто *ы!*

3.

Милостивый государь

Михаиль Александровичъ!

Я уже не зналъ, что и думать, не получая отъ васъ никакой вѣсточки, какъ вдругъ письмо ваше и обрадовало меня и огорчило,

что вы болѣзнуете. Прежде всякаго объясненія, позвольте предложить вамъ и убѣдительно просить обдумать предложеніе мое. У насъ при университетѣ профессоръ Ванцети чудеса дѣлаетъ съ глазами: вылечивается совершенно, возвращаетъ зрѣніе; операціи, сопровождаемые блистательнымъ успѣхомъ, изумительны. Не найдете-ли полезнымъ поручить ему себя? Можетъ слава его дошла и до васъ. Чтобы вы не слышали о немъ, заранѣе увѣряю, все справедливо. Даже простой народъ, оставляя своихъ знахарей и предразсудокъ, что такъ „починено“ и что „никто не можетъ согнать бѣды, кромѣ того, кто наслалъ“ — и тѣ отъ всѣхъ мѣгутъ стекаются къ нему, какъ къ вѣрному цѣлителю; и еще не слышно, за какую-бы глазную болѣзнь олъ не взялся и не излѣчилъ-бы ее. Тутъ перѣздъ не далеко; жить у насъ не дорого и, искренно скажу, не скучно проведете это тягостное время; многіе васъ знаютъ и не дадутъ скучѣ возобладать вами. Вы и не замѣтите, какъ лечение кончится къ совершенному успокоенію нашему. Въ этомъ случаѣ згоизмъ отвергаю въ сторону: одно мое утѣшеніе было-бы, что вы получите совершенное исцѣленіе отъ болѣзни; а какое-бы я имѣлъ наслажденіе, познакомая съ вами лично, бесѣдовать съ вами, объ этомъ молчу. Если мое предложеніе близко къ дѣлу, то, можетъ, нужно прежде списаться? Въ такомъ случаѣ, все что вамъ угодно передать ему или, что и лучше всего, изложить на бумагѣ точное описаніе болѣзни, я передамъ ему и мнѣніе его поспѣшу доставить къ вамъ. Подумайте, право.

Теперь о обязательномъ одолженіи вашемъ: помѣстите статью мою въ вашемъ Кіевляннѣ. Названіе *добрый панъ* очень и очень удовлетворительно, точно и, что главное *въ нашемъ* (здѣшнемъ) видѣ, незатѣйливо. Прекрасно, благодарю. Благодарю и за исправленіе мѣсто Четь-минеи Патерика; сѣтую на себя, что мнѣ это не пришло на мысль самому; авторъ такъ близко къ лаврѣ. Схимникъ мой дѣйствительно нарушилъ обѣтъ свой при пріемѣ сего образа: забылъ о немногословности или даже о молчаніи; болѣе общую христіанскую обязанность забылъ: принялся за осужденіе ближнихъ. Не подобаетъ ему тако. Потрудитесь и рукою властною, какъ несущій на себѣ всю отвѣтственность въ проступкахъ нашихъ сотрудниковъ, урѣжьте ему язычокъ, чтобъ не болталъ лишняго. а все, что думалъ, сказалъ-бы однимъ сло-

вомъ. Я самъ видѣлъ неизбѣжный мой порокъ, отъ котораго не могу воздержаться, *много и пусто* глаголаніе. Отъ поспѣшности не пере-чищаю ничего и не забочусь объ округленіи мысли, дую съ плеча. Вамъ располагалъ объяснить это и просить о трудѣ въ исправленіи; удивляюсь, если забыть. Полное и неограниченное имѣете право измѣнять, отмѣнять, сокращать и дополнять, все что угодно. Оно ваше и вы, принявъ его въ массу, отвѣчаете за выборъ и отдѣлку. Это право неотъемлемо, и я не надивлюся, если другіе за такіа поправки сътуютъ.

Вообще доставка журналовъ къ намъ разстроиваетъ все и охлаждаетъ наше желаніе заниматься ими. На наступающій годъ обѣщаютъ доставку самую вѣрную и поспѣшную. Увидимъ, не останемся-ли и паки при одномъ обѣщаніи, какъ и въ прежніе годы. На г. Полякова совѣтую жаловаться *Петру Александровичу Корсакову*, одному изъ издателей *Маяка*. Я посоветовалъ здѣсь одному, также обманутому Поляковымъ, и тотъ съ первою почтою получилъ всѣ запоздалые книжки. А *Маякъ* не „Сынъ Отечества“ съ компаніею, стоитъ похлопотать о немъ, будете довольны. Письмо мое, не для печати писанное, а къ неудовольствію моему оглашенное, не стоитъ вниманія далѣе мысли о литерѣ и въ малороссійскомъ писаніи. Все мое мнѣніе оканчивается на старинной рукописной *иже* со знакомъ, дѣлающемъ ее мягкой, какъ *мы* выговариваемъ *ъ* для различія отъ обыкновеннаго *и* и чтобъ не пестрить словъ *ы*.

Обдумайте-же предложеніе мое и, съ Божіихъ благословеніемъ, приступите къ исполненію. А всего лучше: да пошлетъ вамъ Богъ, и безъ латинскихъ снадобьевъ, совершенное освобожденіе отъ всѣхъ болѣзней и укрѣпленія въ здоровья. Благодарю за доброе расположеніе ваше, искренно преданный Григорій Квитка.

24 декабря, 1840 г.

Основа.

Поздравляю спсасительно съ празникомъ и желаю, чтобъ старый годъ унесъ отъ васъ все тягостное и неприятное, а новый доставилъ-бы все по желанію.

Для приличія не нужно-ли, что-бы усталые богомольцы сѣшши скорѣе дойти до *добраго пана* и тамъ успокоиться? Это-бы объясняло заглавіе. Если найдете нужнымъ, вложите кому нѣзъ нихъ въ уста такое желаніе—дойти скорѣе до добраго пана или что-нибудь въ подобномъ родѣ.